

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. НЕФРИТОВАЯ БАБОЧКА

В ту ночь стояла невыносимая духота. Тучи налились тяжестью, но дождь, запертый в небесах, никак не желал проливаться на землю.

Ян Ихай ворочался с боку на бок, тщетно пытаясь уснуть, и лишь когда пропели первые петухи, изможденный бессонницей, он наконец провалился в тяжелое беспмятство.

Проснулся он только на следующий день, когда солнце уже клонилось к закату. С трудом разлепив веки, Ян Ихай мутным взглядом глянул в окно, потянулся и, оглашая дом зевками, выбрался из комнаты. Его слегка задело то, что никто не удосужился позвать его к обеду.

Спустившись на первый этаж, он застал Су Цзычуань и Су Цзыня в патио — брат с сестрой о чем-то увлеченно спорили.

— Брат, у меня есть верный способ, как привести фигуру в порядок. Хочешь разузнать? — Глаза Су Цзычуань лукаво блеснули, а на лице появилось выражение заправской мошенницы.

Су Цзынянь, опираясь на свой тяжелый клинок Закрывающейся Луны, лишь хмуро посмотрел на сестру сверху вниз, не проронив ни слова — он явно решил хранить невозмутимый вид до последнего.

Видя, что брат не клюет на наживку, Цзычуань уже собиралась было зайти с другой стороны, как вдруг заметила спускающегося со второго этажа Ян Ихая. Глаза её зазорно сверкнули, и она приветливо замахала рукой:

— О, брат Ян! С добрым утром!

Ян Ихай заметил их еще издали, но окончательно не протрезвев от сна, не горел желанием здороваться. «С чего это она вдруг такая любезная? — подумал он, насторожившись. — Когда это она со мной первой заговаривала?»

Он подошел ближе, предусмотрительно остановившись в паре шагов от нее, и с подозрением прищурился:

— Это еще с чего такие нежности?.. Признавайся, опять в чем-то передо мной провинилась?

— Ну что ты такое говоришь, право слово, — со слащавой улыбкой пропела Цзычуань.

Она шагнула к нему и, не дав опомниться, по-хозяйски взяла Ян Ихая под руку, при этом демонстративно стреляя глазками в сторону Су Цзыня.

Ян Ихай попытался высвободиться, недоуменно глядя на девушку. «У неё что, совсем крыша поехала?» — мелькнуло у него в голове. Он перевел взгляд на Су Цзыяня и заметил, что тот густо краснеет на глазах.

«Ох, ну и ну...»

— Да вы что тут... — Ян Ихай с брезгливостью отпихнул от себя Цзычуань и окинул брата с сестрой взглядом, полным глубочайшего презрения. — Фу, ну и мерзость! Даже заяц не грызет траву у собственной норы! А ну, завязывайте с этим! Если старик Юй узнает, его ж удар хватит на почве распутства! Тьфу-тьфу-тьфу... Накликаю еще беду. Мой любимый Чуцю должен жить до ста лет!

Бормоча проклятия, Ян Ихай направился к колодцу на заднем дворе.

Стоило ему скрыться из виду, как Су Цзычуань, подбоченясь, приняла позу «руки в боки» и победно взмахнула ладошкой:

— Вот, слышал? Даже у него теория: «заяц не ест траву у своей норы». А сам-то только и вьется вокруг Юй Чуцю. А знаешь, почему? Да потому что Чуцю красавчик, только и всего.

Лицо Су Цзыяня помрачнело.

Цзычуань, конечно, не упустила этой перемены. Она прильнула к руке брата и зашептала ему на ухо:

— Не то чтобы я хвасталась, брат, но посмотри на наших мужчин — разве хоть кто-то из них по внешности уступит Юй Чуцю? Сяо Тянь еще мал, но через пару лет станет таким статным да удалым красавцем, что глаз не оторвать. А про тебя я и вовсе молчу! Глянь только: брови вразлет, нос точеный, волевой подбородок, кожа цвета старой бронзы... Статный, могучий — настоящий герой!

Льстить Цзычуань умела мастерски. Будучи дочерью наложницы в богатом доме, она с малых лет усвоила: в мире, где у тебя нет ни прав, ни статуса, лесть и умение угождать — единственные способы выжить.

Су Цзыянь, млея от её речей, уже не мог скрыть довольной улыбки.

Заметив это боковым зрением, Цзычуань внезапно посерьезнела и, подперев подбородок ладонью, сокрушенно вздохнула:

— Эх... Жаль только... Всем ты хорош, брат, да только вширь немного раздался. Вот если бы ты хоть капельку скинул, был бы просто идеалом.

Закончив, она печально покачала головой.

Окончательно очарованный Су Цзыянь наконец решился:

— Ты говорила... что знаешь, как похудеть. Расскажешь мне? — Он запнулся, и его щеки снова залил румянец.

Губы Цзычуань тронула торжествующая усмешка. Она развела руками, изображая крайнее сожаление:

— Ох, брат, это ведь тайное знание, передающееся из уст в уста. Неужели ты думал... что я поделюсь им просто так?

Су Цзыянь на мгновение задумался, а затем, скрепя сердце, выудил из-за пазухи кусочек серебра и вложил его в ладонь сестры.

Увидев деньги, Цзычуань преобразилась — в глазах загорелся такой же блеск, какой бывает у голодной мыши при виде зерна. Мигом спрятав серебро в вырез платья, она небрежно махнула рукой в сторону ворот:

— Иди в комнату, переоденься во что-нибудь посвободнее, выходи на улицу и бегай вокруг деревни по пять кругов. Утром и вечером. Без пропусков.

Вид у неё при этом был как у нерадивого лекаря, который, даже не взглянув на больного, размашисто выписывает рецепт: «Три дня капельниц, ступайте в кассу!»

Только сейчас Су Цзыянь понял, что его нагло обманули. Но деньги уже исчезли в недрах её корсажа, и требовать их назад было выше его достоинства. «Буду считать, что просто укрепляю тело», — убеждал он себя. Оставив свой тяжелый клинок, он побрел переодеваться, но перед уходом всё же не удержался и с негодованием бросил сестре:

— Возмутительно! Если бы у меня была одежда посвободнее, я бы тебя ни о чем не спрашивал!

Стоило Су Цзыяню уйти, как из дома выплыл Ян Ихай. Одетый в легкое, летящее одеяние из тончайшего газа, он выглядел настолько эффектно, что любая женщина от восьми до восьмидесяти лет пала бы к его ногам.

Увы, единственная представительница прекрасного пола в этом доме прекрасно знала о его пристрастиях, а потому они питали друг к другу лишь взаимную неприязнь.

Ян Ихай подошел к столу, налил себе чаю, чтобы промочить горло, и, заметив довольную Цзычуань, которая пересчитывала серебро, недовольно поморщился:

— Эй, ты чего творишь? Если хочешь переодеться, иди в свою комнату. Взрослая девица, а стыда ни капли.

— Чего бояться-то? Свои все, — отмахнулась Цзычуань, раскладывая монетки на коленях.

— Я тебе что, не человек?! А если я с тобой... того самого?! — Ян Ихай задохнулся от возмущения. Подобное пренебрежение било по мужскому самолюбию похлеще любого оскорбления.

«Знаю я, что женщины тебя не интересуют», — подумала про себя Цзычуань, но вслух ничего не сказала, продолжая увлеченно считать деньги.

Видя, что его игнорируют, Ян Ихай окончательно вышел из себя:

— Ты думаешь, я за тебя переживаю? Пф! Я боюсь, что ты привыкнешь и начнешь так же вести себя на людях. Увидит кто — скажут, что у тебя нет воспитания, что господин Юй плохо на тебя влияет. Я тебе вот что скажу: Юй Чуцю к тебе со всей душой, так что не вздумай порочить его доброе имя своими выходками!

«Вряд ли что-то может звучать хуже, чем его собственная репутация любителя мужской ласки», — размышляла Цзычуань, но, следуя правилу о том, что в женщине должна быть загадка, оставила свои мысли при себе.

— Поняла я, — буркнула она с хитринкой и снова уткнулась в свои богатства.

Ян Ихай кивнул и с любопытством вытянул шею:

— Много там? Стоило ли оно такого бурного восторга?

— Деньги, как известно, любят счет, — Цзычуань аккуратно завернула серебро в платок. — Понемногу, по зернышку, глядишь — и накоплю. Я не тороплюсь.

Ян Ихай усмехнулся и ехидно поддел её:

— И что на этот раз? Новое платье? Серьги? Или еще какая безделушка? Глядишь, под хорошее настроение я бы тебе и сам купил.

— На приданое коплю.

— Чего?! — Ян Ихай чуть не подпрыгнул, его глаза, словно два луча, ощупали фигуру девушки.

— Ты что, понесла?! От какого прохвоста? Только скажи имя, я из него всю душу вытрясу!

Су Цзычуань закатила глаза. Пять лет разницы — а пропасть такая, будто они из разных эпох. Объясняться с ним было бесполезно.

Подхватив свой узелок с деньгами, она направилась к заднему двору, бросив на ходу:

— Ага, понесла. А дедушку будущего ребенка по фамилии Юй звать.

— Пф-ф-ф!.. Кха-кха-кха!.. — Ян Ихай поперхнулся чаем, закашлялся и, прижимая руку к груди, прохрипел вслед: — Есть можно что угодно, но вот языком чесать попусту не смей!

— Да знаю я, знаю, — Цзычуань помахала рукой, даже не обернувшись.

— Кха... погоди! — Ян Ихай отдышался и подошел к столу в главной комнате, заглядывая под крышки блюд. — Вы что, уже пообедали? Почему меня не разбудили?

Цзычуань, уже переступив порог, ведущий во внутренний двор, оперлась о косяк и обернулась:

— Учитель ушел еще с утра. Сяо Тянь днем тоже не возвращался. Я заходила к тебе, но ты спал как убитый, не добудисься. Так что мы с братом просто разогрели остатки и сварили лапши.

— Чуцю ушел с самого утра? А как же занятия? — Ян Ихай, подхватив тарелку с холодными закусками, направился к ней.

— В школе сегодня выходной. Господин Юй, кажется, отправился в город.

Цзычуань посторонилась, пропуская его, и они пошли вместе: она — к себе, он — в сторону кухни.

— В город? Зачем это? — удивился Ян Ихай.

— О-о-о... — Цзычуань загадочно прищурилась. — Хочешь знать?

Ян Ихай с готовностью кивнул.

— Плати! Двадцать лянов — и я вся во внимании.